Юй Дань

УРОКИ «СУЖДЕНИЙ И БЕСЕД»

ЦВЕТ И ТЕМПЕРАТУРА КОНФУЦИЯ

于丹

《论语》心得

Юй Дань

Уроки «Суждений и бесед»: цвет и температура Конфуция

Международная издательская компания «Шанс»

2006

УДК 17(510)
ББК 87.7(5Кит)

Дань Ю.

Уроки «Суждений и бесед»: цвет и температура Конфуция /
Ю. Дань — Международная издательская компания «Шанс», 2006

ISBN 978-5-907015-68-5

Трактат «Суждения и беседы» («Лунь юй») был написан учениками Конфуция. Это сборник изречений великого мудреца. Как и любая древняя литература, это произведение достаточно сложно для восприятия. Профессор Юй Дань с детства любила традиционную литературу. Однажды она решила сделать ее ближе современному человеку, поделиться своим видением наиболее известного и важного канонического текста. Книгу Юй Дань отличает особая лиричность, связанная с ее детскими воспоминаниями о знакомстве с конфуцианской этикой. Автору удалось постичь эту древнюю мудрость, понять ее актуальность и изложить слова Конфуция простым языком. Для широкого круга читателей.

УДК 17(510)
ББК 87.7(5Кит)

ISBN 978-5-907015-68-5

© Дань Ю., 2006
© Международная издательская компания «Шанс», 2006

Содержание

От издательства 8
Серый Конфуций и многоцветный мир 9
Об отце и моей связи с «Суждениями и беседами» 11
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Юй Дань
Уроки «Суждений и бесед»: цвет и температура Конфуция

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», перевод, 2018
© ООО «Сяньляньское книгоиздательство SDX», 2018

От издательства

Юй Дань, профессор Пекинского педагогического университета, стала известна благодаря передаче «Трибуна ста школ» на Центральном телевидении Китая (CCTV), где читала лекции о Конфуции. Эти лекции легли в основу ее книги, вышедшей десятимиллионным тиражом. «Уроки “Суждений и бесед”» могут быть знакомы русскому читателю в переводе с английского. Мы же впервые публикуем перевод этой книги с китайского языка.

Книга состоит из семи уроков. Каждый из них рассказывает о связи конфуцианства с той или иной сферой жизни. Перед каждым уроком приведены цитаты из «Суждений и бесед», к которым автор будет обращаться по ходу рассуждений. Комментарии редактора и переводчика вы найдете в конце издания.

Редакция выражает особую благодарность доктору философских наук А.Е. Лукьянову за разрешение цитировать в издании «Суждения и беседы» в его переводе.

Серый Конфуций и многоцветный мир

Юй Дань в белом сидит на желтом диване, рядом с ней – ведущая CCTV Чай Цзин в красном пиджаке, а напротив них, в сером, – я, готовлюсь задавать каверзные вопросы.

Это было 12 ноября 2006 года. Во второй половине дня все собрались в студии телепрограммы «Трибуна ста школ» («Байцзя цзянтань»), обсуждали книгу «Уроки “Суждений и бесед”» Юй Дань. Никаких ограничений относительно внешнего вида не было, и беседа должна была получиться неформальной. Посмотрев на эту парочку «белой сливы и красного персика»[1], я даже представить себе не смог, что бы почувствовал, увидев их, Конфуций, и поэтому задал хитрый вопрос: «Вам, красивым девушкам, тоже нравится Конфуций? Каким, по-вашему, он был?»

Кто же знал, что вопрос ничуть не смутит Юй Дань и она тут же ответит: «Я не рассматриваю Конфуция с гендерной точки зрения. Для меня Конфуций обладал только температурой, не цветом».

Какая умная девушка! Я немедленно отозвался: «В таком случае я сегодня немного похож на Конфуция. Я в сером – как будто лишен цвета. Но у серого есть преимущества: он сочетается с любым из цветов – например, с вашими красным и белым».

Зрители рассмеялись.

Беседа закончилась на положительной ноте, но я не был удовлетворен – на самом деле я хотел спросить: «Нужен ли Конфуций простым людям? И если да, то в какой форме?»

Ответ таится в произнесенной шутке: всем нужно, чтобы Конфуций был серого цвета.

Я не знаю, какой смысл Юй Дань вкладывает в слова «цвет» и «температура», однако никто не может быть лишен цвета. И «отсутствие цвета» подразумевает не что иное, как серый цвет. Сам по себе серый – неяркий цвет, это, скорее, цвет без цвета, но при этом он универсален – хорошо сочетается с другими. Говоря, что каждому необходим «серый Конфуций», я подразумеваю, что в этом плюралистическом мире нам нужен один из наиболее универсальных Конфуциев.

По-настоящему великая идеология не ограничивается одной эпохой, одним местом и одним человеком. Она всегда универсальна. Иногда люди с иронией говорят: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»[2]. Они не осознают, что отличные от серого цвета теории не обладают универсальностью и потому лишены жизнестойкости. Мы надеемся, что Конфуций обладает серым цветом и что он будет восприниматься как серый.

Я не знаю ни одного человека, которому бы понравился мир в исключительно серых тонах. Серый раскрывает свою универсальную природу только в сочетании с другими цветами, подчеркивающими его элегантность и простоту. Поэтому серый Конфуций непременно должен «связать» многоцветный мир. Этот мир полон жизненной силы, разноцветных красок, многообразия и самых разных форм конкуренции и свободы. Именно благодаря многообразию жизни серый цвет теории не будет казаться мертвым, а при наличии благородства и чистоты идеи мир не дойдет до нестерпимой вульгарности. Серый цвет подчеркивает суть, а разноцветные краски дают жизненную силу. В этом и заключается гармония.

Юй Дань рассказывает нам именно о таком Конфуции – сером, который связывает многоцветный мир. И эта связь повсюду: в прошлом и настоящем, внутри Китая и за его пределами. Главная идея проста, в ней отсутствует цвет, пол, место и время, – есть только температура.

---

[1] Так называют красавиц. Распространенная поэтическая метафора. – *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

[2] См. Гете И. В. Фауст. Перевод В. Брюсова.

Я не знаю, таков или нет Конфуций с точки зрения ученых и историков, и совершенно не представляю, таков ли он был в действительности. Но я знаю, что это наш Конфуций, Конфуций народа, а значит – вечный Конфуций.

Нам нужен такой Конфуций!

Нам нравится такой Конфуций!

И Чжунтянь
Полночь, 13 ноября, 2006 год
По дороге между Пекином и Сямынем

Об отце и моей связи с «Суждениями и беседами»

Стоя над рекой, Учитель сказал:
«Все утекает, как эта вода,
не останавливается ни днем, ни ночью» [С. 204][3].

За десять лет до того, как я начала осмысливать «Суждения и беседы», слова из эпиграфа были мне хорошо знакомы, но в них не было ничего особенного. Сейчас же, даже читая их про себя, я ощущаю волнение и трепет. Течение времени, словно фотопроявитель, слой за слоем раскрывает глубинные пласты жизни, потепенно обнажая их, и они молчаливо и твердо выстраиваются, словно подсказки, и в конце концов люди неожиданно разгадывают сами себя.

Как же «Суждения и беседы» связаны со мной? И какой в этой связи смысл? Всякий раз, когда я остаюсь наедине с чайником зеленого чая, когда вдыхаю запах масел аквилярии[4], этот вопрос переплетается с ароматом чая и струящимся дымком, и я вспоминаю отца.

Сейчас, через шестнадцать лет после его смерти, я начинаю понимать, чему он хотел меня научить. Прошло десять лет с тех пор, как вышла моя книга «Уроки “Суждений и бесед”». Она кажется подарком, который отец оставил мне на память: «Суждения и беседы» постепенно открываются передо мной.

1

Мои первые воспоминания связаны с отправкой отца на низовую работу[5]. Из горкома Пекина его перевели в уезд Миюнь, а мать из Управления финансов и налогообложения Пекина – в уезд Тунсянь[6]. Мне редко доводилось видеть их вместе, даже не каждый месяц. Они очень мало времени проводили со мной, но когда мы собирались втроем – это был праздник.

Впервые я услышала о «Суждениях и беседах» во время одной из таких встреч. Мне было, кажется, четыре года. Не помню точно, был это День труда или День образования КНР, но родители взяли меня на какое-то очень многолюдное собрание, и маленькая я, обычно проводившая дни дома с бабушкой, вдруг увидела толпу взрослых и испуганно прижалась к маме. Отец поднял меня одной рукой, а другой указал на всех этих людей и сказал: «Малышка, в “Суждениях и беседах” говорится: “Случись идти втроем, я непременно извлекаю для себя урок” [С. 162]. И среди этих людей немало тех, кто может стать хорошим учителем. Иди посмотри, кто из них достоин этого, а потом возвращайся и расскажи папе».

Я немного побродила, а потом вернулась и рассказала отцу, что есть одна особенно хорошая тетя, которая внимательна ко всем детям. Она, безусловно, достойна стать учителем, а вот дядя с громким голосом, который плюет куда ни попадя, никак не подходит на эту роль. И отец сказал мне: «Да, это хорошая женщина, и ты должна стремиться относиться к людям так же, как она. Это называется “встретив достойного, думай, как сравняться с ним”. Но и этот плюю-

---

[3] Беседы и суждения (Лунь Юй) / Пер. с кит. А. Е. Лукьянова. М.: Форум, 2011. *Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию, страницы указаны в квадратных скобках.*

[4] Аквилярия – род деревянистых растений, которые древние народы Востока, в том числе Китая, использовали как лекарство для укрепления почек и как курительное вещество для погребальных ритуалов. – *Примеч. ред.*

[5] В КНР в 1960-1970-х годах проводилась «политическая чистка». На низовую работу переводили «недостаточно благонадежных элементов», которые тем не менее не попадали под прямое подозрение. От «трудового перевоспитания» это отличалось тем, что человек сохранял членство в партии и оставался в номенклатурном аппарате.

[6] Миюнь – уезд городского подчинения на северо-востоке Пекина, Тунсянь – уезд городского подчинения на юго-востоке Пекина.

щийся человек тоже учитель: помни, что не стоит на него походить. Это называется “встретив недостойного, проверь самого себя” [С. 98]».

Тогда я не придала этому значения, ведь мне и так ничуть не хотелось быть похожей на того мужчину – все дети понимали, что он ведет себя некультурно. Отец же говорил, что в общественных местах человека видят другие люди и их замечания должны помочь ему исправиться. Когда же никто тебя не контролирует, нужно «в день трижды проверять самого себя», подобно благородному мужу. Это называется «блюсти себя даже наедине с самим собой».

Когда отец объяснял мне эти не вполне понятные истины, я не дослушивала его до конца и нетерпеливо убегала. Кажется, он никогда не просил меня вернуться, чтобы продолжить рассказ, и никогда не заставлял заучивать цитаты из «Суждений и бесед» наизусть. Тем не менее обрывки этих истин понемногу оседали в моей голове.

Что отец действительно заставлял меня заучивать наизусть, так это поэзию: от стихотворений председателя Мао до произведений поэтов древности. Помню, однажды весной в парке Бэйхай он указал на пышно цветущее персиковое дерево и прочел стихотворение:

Пейзаж восточного города постепенно становится прекрасным,
Шелковой рябью волн встречает он весла гостей,
Дымкой легких зеленых ив смягчая рассветный мороз,
Весенний дух шумит кончиком персиковых веток в розовом цвету[7].

А затем спросил: «Малышка, как думаешь, цветы шумят или нет?»

Задрав голову, я посмотрела на усыпавшие ветки персикового дерева цветы, великолепные и тихие, и ответила: «Не шумят! Цветы же не могут бегать – как они могут шуметь?»

Отец посадил меня на плечи и сказал: «Если цветы не могут бегать, то побежим мы! Нука, малышка, хватайся за шею». После чего, придерживая меня за ноги, отец побежал вокруг дерева – в один момент розовые цветы на ветвях персикового дерева зашуршали, задрожали, а я радостно захлопала в ладоши: «Шумят! Шумят! Шумят!»

Отец остановился и, тяжело дыша, объяснил мне, что это «“шум”, который появляется с приходом весны» и что выражение «шум весеннего духа» живее и ярче, чем слова «весна распустилась» и «весна началась».

Много лет спустя я узнала, что это четверостишие – первая часть стихотворения Сун Ци «Весна в нефритовом павильоне». Вторая его часть звучит так:

Так мало радостей в эфемерной нашей жизни,
Как можем мы богатство полюбить улыбки сильнее?
Для вас с вином в руке прошу я предзакатное солнце
Подольше озарять цветы последними лучами.

Снова и снова я оглядываюсь на эти цветы из моего детства, которые впервые увидела с отцовского плеча, и наконец понимаю, что они означали. Но я уже не могу с бокалом вина в руке попросить предзакатные лучи солнца об одолжении для отца. Так через много лет после его смерти появилась духовная связь с ним, которая сама по себе вызывает у меня сентиментальную улыбку.

[7] Стихотворение сунского литератора, историка и поэта Сун Ци (998–1061) «Весна в нефритовом павильоне».

2

Многие из моих детских воспоминаний связаны с семейными традициями, которые соблюдались в доме деда по отцовской линии. Разумеется, к палочкам для еды можно было притрагиваться только после того, как дедушка и бабушка садились за стол, а когда мой отец, старший из сыновей, возвращался домой, его младшие братья и сестры должны были встать и сказать: «Старший братец вернулся!». Во время разговора нужно было либо стоять на месте, либо сидеть – нельзя было говорить и одновременно прогуливаться по дому. Отец называл это «сыновней почтительностью» и «уважением старших»[8].

Однажды мне рассказали историю об уроженце провинции Хунань Цзэн Гофане[9]. По его словам, чтобы определить устои семьи, нужно обратить внимание на три вещи: каждый ли день дети в этом доме рано встают, любят ли они работать и любят ли читать. Что касалось ранних подъемов – тут чрезвычайно любившая меня бабушка делала поблажки, поскольку отец редко бывал дома. А вот в отношении работы и чтения он был непоколебим и часто говорил: «Когда есть дело, младшие берут на себя труд [старших]».

В моих воспоминаниях труд был связан с ритуалом.

Например, чистка фруктов. Отец непременно брал вымытое яблоко или грушу в левую руку, а ножичек для фруктов – в правую. Затем делал небольшой надрез в верхней части фрукта и начинал срезать с него кожицу круг за кругом, получая ровную длинную ленту. Когда она аккуратно закручивалась в спираль на эмалированной тарелке, с нее можно было писать натюрморт.

Другой пример – подметание пола. Отец учил меня, что начинать уборку нужно обязательно с угла у окна в левой части комнаты, делая веником один проход за другим, не пропуская ни сантиметра, выметая, будто дуешь на воду, и та «разглаживается» – ни клочка клубящейся пыли не должно оставаться. Вся подметенная в комнате пыль оказывалась у кухонной двери, там осталась небольшая щель между половицами, и одна была выше другой – как раз чтобы придвинуть к ней совок. Легкая пыль аккуратно сметалась в этот совок, и только после этого можно было помыть пол шваброй.

Но самое интересное – лепка пельменей. Моя бабушка по материнской линии была из маньчжуров, поэтому готовила пельмени так, как это делали на северо-востоке Китая. Мама с женами братьев и сестрами палочками для еды захватывала начинку и уминала ее пальцами в полумесяцы теста с узорной кромкой. Бабушка по отцовской линии была уроженкой Шанхая, она привыкла накладывать начинку с помощью вытянутой бамбуковой лопаточки, которая потом зажималась указательным пальцем, а с помощью ложбинок между большими и указательными пальцами обеих рук формировала пельмени, по форме напоминающие *юаньбао*, серебряные слитки[10]. Поэтому каждый раз, когда в моей семье лепили пельмени, происходило столкновение «южной» и «северной» культур: мама подшучивала над отцом, что у его пельменей нет узорной кромки, а отец подшучивал над мамой, что пока она, отложив палочки, делает узорную кромку у одного пельменя, он успевает слепить два.

---

[8] Сыновняя почтительность (сяо) – одно из ключевых понятий конфуцианской философии и этики, в узком смысле предполагающее уважительное отношение и покорность родителям, а в широком смысле охватывающее всю социальную иерархию, где роль отца отводилась правителю, а детей – его подданным. Уважение к старшим (ди) предполагало иерархичные отношения между старшими и младшими братьями, а в широком смысле также распространялось на отношения в обществе.

[9] Цзэн Гофань (1811–1872) – политический деятель и писатель позднецинского периода, известный, с одной стороны, как один из ключевых представителей тунчэнской школы (литературная группировка, которая уделяла большое внимание изучению и популяризации классической китайской литературы), а с другой – как сторонник модернизации Китая.

[10] Слитки юаньбао существовали в Китае до денежной реформы 1933 года. Они были похожи на китайские башмаки, встречались разных размеров, а иногда их делили на части (для мелких платежей).

И сегодня, когда сияющего деревянного пола уже не касается веник, а запас замороженных магазинных пельменей в холодильнике вряд ли когда-нибудь иссякнет, я с грустью вспоминаю о ритуалах своего детства. Как в строчках поэта Налань Синдэ[11]: «В то время думалось мне, что это счастье – обыденность».

3

С возрастом я все отчетливее осознавала, что отношение человека к миру формируется его семьей, а в отношениях с мужчинами женщины копируют взаимоотношения с отцом.

Я любила отца больше всех, возможно, потому что в детстве мы мало времени проводили вместе. В моих воспоминаниях отец с очками в черной оправе на прямоугольном лице и в наглухо застегнутой суньятсеновке[12] почти никогда не показывал своих чувств, хотя безумно любил единственную дочь, родившуюся, когда ему было уже почти сорок. И в детстве, когда я наблюдала, как отцы моих одноклассниц играют с дочерьми, меня преследовало невыразимое чувство – легче, чем зависть, но тяжелее, чем просто печаль.

Отец был очень сдержанным и скованным в общении с людьми. Скованной и сдержанной была и его любовь.

День рождения отца приходился на конец одиннадцатого месяца по лунному календарю и выпадал то на последние дни старого года, то на первые дни нового года по календарю григорианскому – в это время всегда было очень холодно. В моем детстве зимой из снега можно было слепить очень большого снеговика, кажется, намного больше, чем можно слепить сейчас. Тогда все вокруг было настоящим царством льда и снега. В год, когда отец праздновал свой шестидесятилетний юбилей, зима была особенно суровой – холод пробирал до костей. На тот момент я была стипендиатом педагогического университета. Я купила отцу кремовый торт, но боялась, что если повезу его на раме велосипеда, то обязательно сомну, а если закреплю на руле, то непременно уроню. Оставалось только держать его в левой руке, а правой рулить. Расстояние от дома до университета было неблизким, и, поскольку позу невозможно было сменить и тормозить приходилось только одной рукой, сильный мороз за время пути проник под перчатки и впился в суставы.

Преисполненная радости, я поставила торт на стол. По коробке скакали искристые зайчики полуденного солнца, и я сказала: «Папа, подожди, пока я вернусь вечером с занятий, и мы вместе отпразднуем твой день рождения за тортом!»

Отец слабо улыбнулся и равнодушно сказал: «Торты любите вы, малые дети, к чему было его покупать?»

Всю вторую половину дня я провела на занятиях. Когда вернулась домой, был ужин – очень оживленный и веселый, хотя за столом сидели всего три человека, и когда, разрезая торт, мы желали отцу благополучия, все были счастливы.

Шестнадцать лет спустя, когда отец умер, мама как-то проговорилась, что об одном событии, произошедшем в тот день рождения, они никому никогда не рассказывали.

Оказалось, пока я была на учебе, к нам домой зашел сын старого друга отца и рассказал о радостном событии в своей школе. Отец был очень рад за этого славного мальчика. Указав на стоящий на столе торт, он сказал, что его купила я, но он не любит сладкого, и предложил забрать торт в школу. Пухлый малый, конечно же, прихватил его с собой.

---

[11] Налань Синдэ, или Нара Синде (1655–1685) – маньчжурский поэт, далее приводится цитата из его стихотворения «Песок, омытый горным ручьем».

[12] Китайский френч, или одежда Чжуншань – традиционный мужской костюм, который предпочитали правительственные лидеры страны. Своего рода восточный аналог западного костюма. После смерти китайского революционера Сунь Ятсена, основателя партии Гоминьдан, в народе этот предмет гардероба стали называть «суньятсеновка», а во время правления Мао Цзэдуна и позже – костюм (френч) Мао. – *Примеч. ред.*

Зимнее солнце скупо на свет, и вскоре после полудня начало темнеть. Внезапно отец принялся оборачивать шею шарфом и натягивать пальто, сбивчиво бормоча маме: «Я был неправ. Малышка купила мне торт в честь дня рождения. Я не люблю сладкого, но все же не стоило отдавать его чужим. Нужно вспомнить, что же это был за торт, как он выглядел…»

Мать рассказывала, что в тот морозный вечер пожилая чета, как два шпиона, восстанавливала в памяти по кусочкам внешний вид торта, после чего отец сел на велосипед и поехал вдоль улиц Сисы и Сидань в поисках пекарни. Он успел переступить порог с крайне похожим тортом в руках всего за несколько мгновений до моего возвращения.

Этот случай всегда заставлял отца гордиться собой. Ни до, ни после он никогда не заходил в кондитерскую (впрочем, этот маршрут через улицы Сисы и Сидань был хорошо известен ему благодаря прогулкам со мной по книжным магазинам). Однако он сумел в тот вечер перехитрить меня, и это доставило ему куда большее удовольствие, чем поедание торта.

4

Отец был очень одиноким человеком.

В детстве я не совсем понимала его, но чувствовала, что мой неулыбчивый и неразговорчивый отец одинок. Повзрослев, я осознала некоторые из его забот и почувствовала, что он еще более одинок, чем мне казалось в детстве. Сердце отца было необъятным безлюдным горным ущельем, от стен которого отражалось глухое эхо.

Его одиночество происходило от глубокой приверженности убеждениям. В молодости я считала, что такие люди не могут быть одинокими, и только в зрелые годы поняла: люди без убеждений могут чувствовать себя неуверенно, а люди, способные отстаивать свои взгляды, по-настоящему одиноки. Это твердое, как камень, и великое одиночество.

Отец как-то сказал: «Мои убеждения – это марксизм плюс конфуцианство». И впоследствии я поняла, что весь жизненный путь моего отца был предопределен этими убеждениями, каждый шаг он делал в соответствии с этим внутренним выбором.

Я спрашивала маму, как отец после окончания школы и университета в Шанхае очутился в Пекине. Оказалось, что незадолго до завершения войны и провозглашения КНР (1949) в Шанхае была раскрыта подпольная студенческая организация, и в ту же ночь отец был вынужден бежать из Шанхая в Бэйпин[13], где начал работать в народном комитете города. Впервые мама увидела отца, когда слушала его лекцию для партийной школы горкома.

В последние десять лет я все чаще задаюсь вопросом: сомневался ли мой отец в сочетании «марксизм плюс конфуцианство» в период между «культурной революцией» [14] и кампанией по «критике Линь Бяо и Конфуция»[15]? Я обдумываю это, но уже не могу постучать в окно той одинокой жизни.

Англоязычное название моих «Уроков “Суждений и бесед”» – “Confucius from the Heart”, однако когда я впервые услышала слово “Confucius” в начальной школе, рядом с ним стоял глагол “criticize”[16]. Мы хлопали в ладоши и пели:

---

[13] Название Пекина между 1928 и 1949 годами.

[14] «Культурная революция» (1966–1976) – серия политических компаний, направленных на борьбу с оппозицией и укрепление единоличной власти Мао Цзэдуна. Характеризовалась обширными политическими чистками и массовыми выступлениями. Результатом «культурной революции» стало углубление экономического кризиса, а науке, системе образования и культурному наследию был нанесен существенный урон.

[15] Эта политическая кампания развернулась на одном из последних этапов «культурной революции», между 1973 и 1974 годами. Считавшийся вплоть до конца 60-х годов преемником Мао Цзэдуна Линь Бяо погиб при невыясненных обстоятельствах в авиакатастрофе в 1971 году. При обыске в его квартире обнаружили многочисленные классические конфуцианские труды, после чего на него обрушился шквал обвинений, что он не в полной мере следовал линии КПК и Мао Цзэдуна, придерживался конфуцианской идеологии феодального периода, готовил государственный переворот и реставрацию старого режима.

[16] “Criticize Lin, Criticize Confucius”. На русский язык традиционно переводится как «критика Линь Бяо и Конфуция».

Хлопни раз, я хлопну раз,
А Линь Бяо – негодяй!
Хлопни два, я хлопну два,
Критикуй Конфуция!

Когда «Уроки «Суждений и бесед»» были опубликованы более чем в тридцати странах, один немецкий журналист спросил меня, почему я выбрала эту тему. Я задумалась и внезапно поняла, что наше поколение (которое критиковало Конфуция. – *Примеч. пер.*), однажды оказавшись на историческом перепутье, теперь может извиниться за свою бесцеремонность и невежество, проявленное по отношению к этой мудрости в детстве. Только обретя смирение, можно озарить свой внутренний мир мудростью предков и услышать в тумане веков вопрос и ответ: «Далеко ли человеколюбие? Я пожелал человеколюбия, и человеколюбие тут как тут» [С. 166].

А мой отец? Получивший классическое китайское образование и скрупулезно изучивший «Четверокнижие» и «Пятикнижие»[17] в школе в Уси, сомневался ли он в выборе своих убеждений? Сколько раз он аплодировал [критике Конфуция], когда я хлопала в ладоши и пела, а он был членом горкома в Пекине? А [сколько раз –] читая лекции за кафедрой партийной школы горкома?

Этого мне уже не узнать. Когда я училась в начальной школе, отца отправили на низовую работу; когда я училась в средней – перебросили в партийный комитет провинции Аньхой. Вскоре после того, как я вернулась из университетских общежитий, в которых жила, пока получала степени бакалавра, магистра и доктора наук[18], я вышла замуж и переехала в другой дом. Сейчас, оглядываясь назад, я осознаю, что мы с отцом не так много времени проводили вместе, и в те дни, когда я оказывалась перед лицом его твердокаменного и необъятного одиночества, у меня не возникало желания задавать эти вопросы.

Я отчетливо помню, как в год моего поступления в университет отец получил повышение по службе, но попросил о переводе из Канцелярии Государственного совета в издательство «Чжунхуа шуцзюй»[19]. Он объяснил это так: «До того, как присоединиться к революции, я изучал историю литературы. На протяжении тридцати лет я не возвращался к прежней профессии. Сейчас моя единственная дочь поступила на факультет китайской литературы, и перед тем, как уйти на покой, мне хочется оставить ребенку побольше книг».

Единственным большим преимуществом работы в этом благородном, но бедном издательстве была возможность покупать книги со скидкой, и мой счастливый отец, возвращаясь домой на велосипеде, привозил «Двадцать четыре династийные истории», «“Тринадцатикнижие” с комментариями и пояснениями» и, конечно, «Комментированный перевод “Суждений и бесед”» Ян Боцзюня 1980 года издания и «Современный комментарий и перевод “Чжуан-цзы”» Чэнь Гуина 1983 года. Две эти книги легли в основу моих «Уроков “Суждений и бесед”» и «Уроков “Чжуан-цзы”».

«Учитель напоминал: “Отец жив – вникай в его стремления. Отец умер – вникай в его дела. Три года ничего не меняй в Дао отца, это и можно назвать сыновней почтитель-

[17] «Четверокнижие» («Сы шу») и «Пятикнижие» («У цзин») – общие названия двух канонических конфуцианских сводов, разъясняющих суть учения. В «Четверокнижие» входят: «Великое Учение» («Да Сюэ»), «Суждения и беседы» («Лунь юй»), «Учение о середине» («Чжун юн») и «Мэн-цзы». В «Пятикнижие»: «Канон перемен» («И цзин»), «Канон песен» («Ши цзин»), «Канон ритуалов» («Ли цзи»), «Книга истории» («Шу цзин») и летопись «Весны и Осени» («Чуньцю»).

[18] Юй Дань закончила бакалавриат в Пекинском профессионально-техническом институте (в 1985 году вошел в состав Пекинского объединенного университета), получила степень магистра по литературе Древнего Китая и доктора по направлению «Кино и телевидение» в Пекинском педагогическом университете.

[19] Китайское издательство, основанное в 1912 году. Специализируется на литературных памятниках Древнего Китая.

ностью”» [С. 42]. И вот после смерти отца я поглаживаю оставленные им книги, поля которых исписаны его аккуратным почерком. В тот год мама с улыбкой сказала: «Как жаль, что твой отец не создавал миниатюры – с его близорукостью он выписывал такие маленькие иероглифы!» И теперь я воспринимаю эти аккуратные, очень сдержанные комментарии как шифр, оставленный отцом для меня.

За десять лет «Уроки “Суждений и бесед”» пережили три переиздания. А я за это время от возраста «незнания сомнения» подошла к границе возраста «познания воли Неба»[20] и, проплывая через этот благодатный период жизни, почувствовала, что сомнение во мне все же расцвело, а до понимания воли Неба еще далеко. Мне открылось, сколь многого я не понимала в «Суждениях и беседах», и лишь с помощью трепетного благоговения я смогла постичь температуру этого канона.

[20] Отсылка к «Суждениям и беседам»: «В 40 лет освободился от сомнений. В 50 лет познал веления Неба» [С. 50].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.